

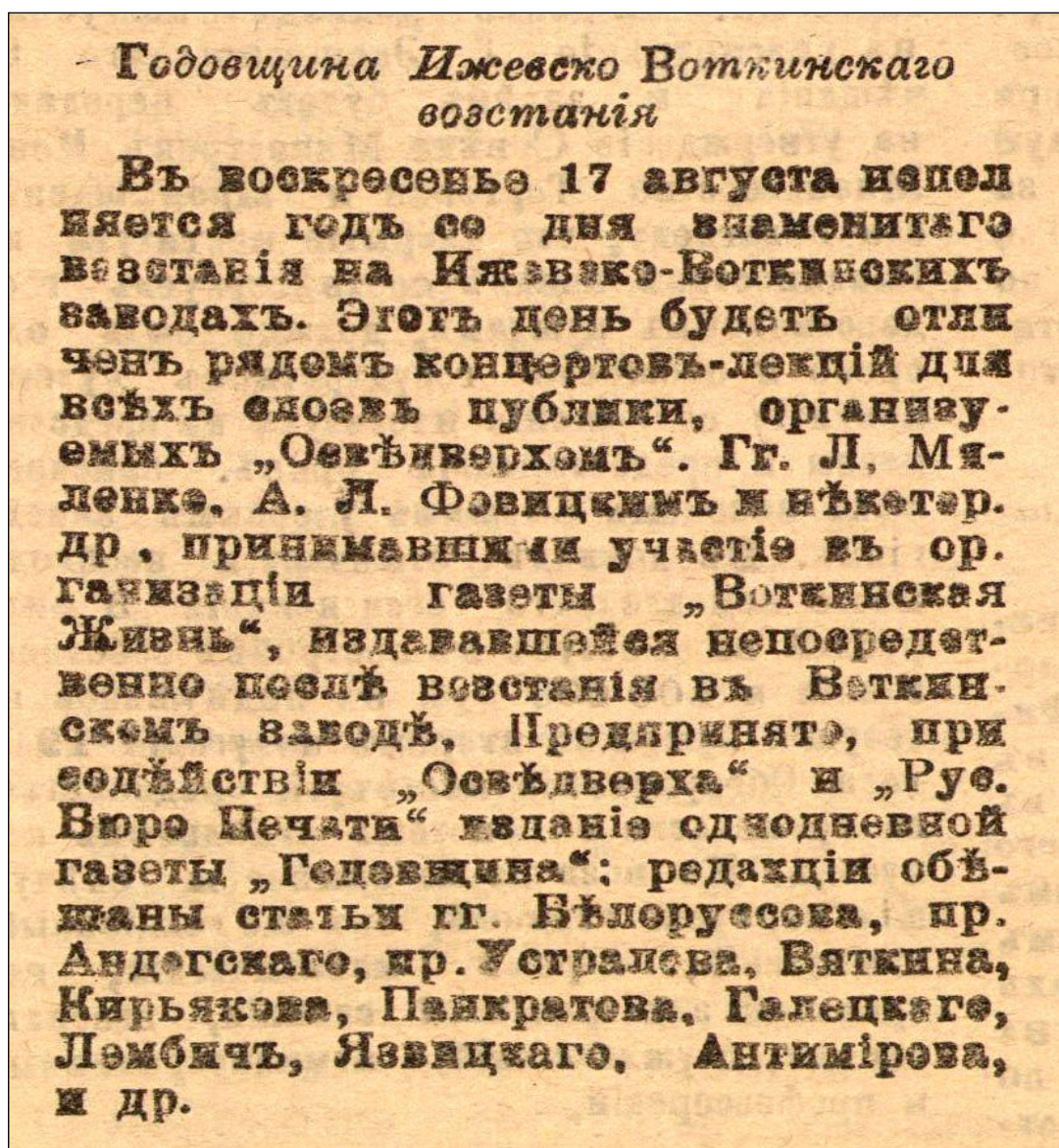
Коробейников Алексей Владимирович

ПЕРВАЯ ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКАЯ ГОДОВЩИНА
(Воспоминания участников Восстания, опубликованные в 1919 году)

В данной статье речь пойдёт об источнике по истории Ижевско-Воткинского восстания, который, с одной стороны, историкам был известен давно, но, с другой стороны, использовался ими далеко не так полно, как он того заслуживает. Речь пойдёт о номере однодневной газеты, выпущенной в Белом Омске в августе 1919 года.

Город Омск того периода, без преувеличения, был средоточием интеллектуальных сил России; через него из ненавистной им «совдепии» тысячами бежали врачи и учёные, артисты и писатели, инженеры и священнослужители. Здесь располагались органы государственного управления Белой России: министерства Верховного правителя А.В. Колчака, многочисленные штабы и подразделения, ответственные за поддержание боевого духа войск. Известно, что образ Ижевско-Воткинских рабочих, которые свергли власть большевиков и три месяца успешно вели вооружённую борьбу на сухопутном и на речном театрах военных действий, стал активно разрабатываться пропагандистами Осведомительного агентства при Верховном Главнокомандующем уже после поражения Восстания и отхода повстанцев на левый берег Камы в середине ноября 1918 г. Примерно к середине января 1919 г. Ижевцы и Воткинцы из вчерашних партизан окончательно были трансформированы в «стандартные», т.е. уставные воинские части, получили централизованное снабжение вещевым довольствием и боеприпасами. В произошедших тогда же боях эти части показали себя если и не вполне умелыми, то весьма сплочёнными воинскими коллективами. С другой стороны, феномен рабочего восстания

против большевиков как нельзя кстати пришёлся руководителям Белого движения для того, чтобы показать своим зарубежным партнёрам по бывшей антигерманской коалиции, что большевики не выражают интересов всего рабочего класса России. Иными словами, именно тогда Ижевцы и Воткинцы были, что называется, «подняты на щит», и о них активно стали писать газеты, которые в период Ста дней Восстания о событиях в наших городах абсолютно глухо молчали. Детальному описанию процесса трансформации позиции Белой прессы (и Белого правительства) по отношению к нашему Восстанию мы намерены посвятить книжку, которая находится в процессе написания, а здесь же рассмотрим и опубликуем для удобства читателя всего лишь один объёмистый номер Омской газеты.

Газета Правительственный вестник № 210, 4 августа 1919 г.

Данный источник еще не становился предметом тщательного научного изучения; не совсем ясно пока, кто конкретно скрывается за каждым псевдонимом, которыми подписаны статьи. Бросается в глаза и то, что некоторые фрагменты текстов статей и такие цифровые данные, как количество жертв «Красного террора», были заимствованы из предыдущих публикаций Белой прессы о Восстании.

Тем не менее, это издание стоит как бы особняком в массиве изученных нами газет Белого движения, хотя бы в силу того, что в нём сосредоточено сразу множество статей о героике нашего Восстания. Видимо, газета была выпущена многотысячным тиражом и долгое время использовалась пропагандистами на всём протяжении Сибири, и даже на Дальнем Востоке! Так, Б.Б. Филимонов указывает, что 14 августа 1921 года полковнику Баеву (начальник штаба Ижевско-Воткинской бригады) на Сучан было отправлено 77 экземпляров газеты «Ижевский Юбилей» для распространения среди населения».¹

Текст однодневной газеты послужил своеобразным пособием и для тех командиров Ижевско-Воткинских частей, например, В.М. Молчанова и А.Г. Ефимова, которые в зоне Восстания не бывали, но в своих воспоминаниях о боевом пути бывших народоармейцев должны были осветить события трёх месяцев противобольшевистской обороны наших городов. Поэтому названные, да, видимо, и другие авторы, широко использовали тексты из статей однодневной газеты, но отчего-то не сообщили своим читателям об источнике заимствования.

Опубликованная в издании информация фрагментарно использовалась теми, кто писал о Восстании и в наши дни. Так, например, ижевский культуролог И.И. Кобзев ещё в 90-х годах прошлого века опубликовал и в местной прессе, и в столичных изданиях несколько материалов, из которых читатель узнавал историю про то, как на территории нашего Восстания

¹ См.: Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Изд. Русского книжного дела в США, 1971. С. 97.

осенью 1918 года случайно «застряли» несколько журналистов, которые не только явились свидетелями, но и стали участникам событий, начав сотрудничать в газетах, издававшихся на «мятежной» территории. Кое-что публиковал в своих краеведческих статьях Е.Ф. Шумилов. Но лично у меня такие публикации оставляли какой-то осадок неудовлетворённости: во-первых, газетный формат не предполагает ссылки на источники, и мне не было ясно, что в этих статьях заимствовано из исторического источника, а что – творческий вымысел газетчиков. Во-вторых, мне, когда я занялся темой Восстания несколько лет назад, хотелось подробнее узнать детали событий, но так как источник данных вообще не назывался, то и обратиться было не к кому; в личных беседах И. Кобзев отвечал, что он это выписывал из старых газет, но где и какие газеты были использованы, он уже не помнит... В последние годы некоторые фрагменты статей из рассматриваемого номера использовал в своих публикациях (бессмысленно) воткинский краевед Сергей Простнев.

Ижевский журналист С.А. Жилин в 2006-2007 г. совершил турне по Сибири и Дальнему Востоку, разыскивая в библиотеках газеты со статьями о Восстании. В результате, в 2008 г. им было опубликовано литературно-художественное издание «От Прикамья до Приморья» Но и эта занимательно и талантливо написанная книга историка не заинтересует, ибо научно-справочного аппарата, а попросту ссылок на источники заимствования материалов, там почти нет. Тем не менее, Сергей в одной из библиотек Сибири нашёл тот номер газеты, о котором идёт речь, и сфотографировал его «с руки». С этих фотографий издательство «Известия Удмуртской республики» в августе 2008 г., т.е. к 90-летию Восстания, издала тиражом более 30 тыс. экземпляров факсимильное издание той однодневной газеты. Я об этой газете много слышал от краеведов, а вот найти не мог: экземпляра не оказалось, отчего-то, ни там, где её издали, ни в Национальной библиотеке Удмуртии. Наконец, ижевский историк Евгений Ренёв отдал мне её, но лишь затем, чтобы я испытал сильное разочарование: библиотечный экземпляр, отснятый С. Жилиным, с которого печатали факсимиле, имеет многочисленные потёртости на сгибах, оборванные углы и прочие дефекты, вследствие которого текст имеет большие потери, или, как говорят историки, *лакуны*. Данные потери делают многие статьи нечитаемыми и, в значи-

тельной степени, вообще обесмысливают саму идею факсимильной публикации. Я до сих пор не пойму, отчего реализаторы того, мягко сказать, недешёвого проекта не попытались найти в библиотеках страны и зарубежья более сохранный экземпляр для воспроизведения? Правда, там, где были оторваны особенно большие куски и образовались белые прямоугольники, они вполне простодушно впечатали: «Текст утерян за давностью лет».

Одним словом, источник надо было публиковать заново и по-хорошему. Я направил запросы в несколько отечественных библиотек и о, чудо! Газета нашлась в отделе газет Российской Национальной библиотеки, которая за сходную цену и выслала мне её скан. Осталось лишь прибегнуть к помощи моей верной сотрудницы Дины Корепановой, чтобы набрать тексты опубликованных там статей.

Рассматриваемое издание, скорее всего, было инспирировано Георгием Лукичом Миленко. В год Восстания он приехал в Воткинск из Мурманска, где работал юрисконсультom на строительстве железной дороги, где в качестве рабочей силы использовали китайцев. Возможно, его сопровождал в наши края мичман Д.П. Жемчужин, который в Народной армии возглавлял контрразведку, и другие офицеры демобилизованного Императорского флота? С началом Восстания Г.Л. Миленко получил должность военного корреспондента при Штабе Народной армии, а после служил в Осведомительном агентстве при Штабе А.В. Колчака и отступил в Харбин.² Становится совершенно понятно, что именно Г.Л. Миленко, который был в курсе всех операций Воткинской Народной армии в период Восстания, который опубликовал в газете повстанцев «Воткинская жизнь» множество корреспонденций с фронта, как никто лучше подходил на роль редактора мемориального издания к первой годовщине Восстания. Возможно, ему даже не пришлось для этого ничего творить заново: многое он взял, что называется, из «редакционного портфеля» своей памяти или рассказал другими словами то, что публиковал в пермских и екатеринбургских газетах о Восстании весной-летом 1919 года. Видимо, ему удалось найти и не-

² Судьбе этого человека и его деятельности по описанию событий Восстания мы посвятим, даст Бог, отдельную книжку.

сколько живых участников событий. Впрочем, повторимся, однодневная газета «Ижевско-Воткинская годовщина» ещё ждёт своих исследователей, и данная публикация открывает к ней доступ широких читательских кругов. Дерзайте!

Источник текста: Российская Национальная библиотека. Отдел газет. Учётный № С 509459.

**ВЪ ДЕНЬ ГОДОВЩИНЫ ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКАГО
= ВОЗСТАНІЯ =**
Въ воскресенье 17-го августа 1919 года
Освѣдомительный Отдѣлъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго
УСТРАИВАЕТЪ:

ВЪ ГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ
Концертъ-Спектакль
ПОСТАВЛЕНО БУДЕТ

„Касатка“
Комедія въ 4 дѣйств. А. Толстого
исполнить труппа прифронт.—Передвижнаго театра „Освѣдверка“.

Начало въ 7½ часовъ вечера.

Въ театрѢ „АКВАРИУМЪ“ Н. М. Тарабукинъ Сдѣлаетъ докладъ на тему:
„Героическая борьба съ большевиками въ Прикамьи“
(Организация возстанія и трехмѣсячная оборона Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ).

Начало въ 3 часа дня.

Въ театрѢ ГИГАНТЪ Идетъ грандіозная нашумѣвшая по всей ЕвропѢ и АмерикѢ картина
ПОХОЖДЕНІЯ БОРЦА БУФАЛО (Тайны Мадридскаго дворца).

Начало въ 4 часа дня.

Въ театрѢ
„КРИСТАЛЬ-ПАЛАСЪ“.
Начало въ 2 часа дня.

Безплатный СПЕКТАКЛЬ-КОНЦЕРТЪ
— Съ участіемъ лучшихъ силъ. —
для солдатъ и Ижевско-Воткинскихъ заводовъ

ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Омск. Воскресенье 17 (4) августа 1919 года. Цена 1 руб.
ВЕСЬ СБОР ПОСТУПИТ В ПОЛЬЗУ СЕМЕЙ УБИТЫХ И РАНЕННЫХ
ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Миленко – Параллели.
А. Андогский – Знаменательная годовщина.
Белоруссов – Ижевцы и Воткинцы и рабочий класс.
Н. Тарабукин – «Народная Армия».
А. Булдеев – Душа нации.
А. Фовицкий – В Сердце.
Вяткин – Из книги жизни (стихотворение).
Исп-ский – Воспоминания.
Н. Т. – Общественные элементы.
Ижевец – Годовщина восстания Ижевского завода.
Я. Плотников – «Мудрынинский фронт».
В. Владимирцев – Во имя долга.
Анзимиров – Дух жив.
«Чрезвычайка» (рассказ).
Ильич – Гассан и его друзья (фельетон).
Памяти Пьянкова. «Воткинская жизнь». Организация Восстания (из документов).

ПАРАЛЛЕЛИ

Год тому назад, сидя за маленьким кривым столом Воткинской типографии, я писал: «В исключительных, небывалых условиях выходит первый номер нашей газеты. Маленький, глухой городок далекого Прикамья, еще вчера совершенно неизвестный значительной части русского общества, сегодня стал центром внимания всей России и даже horrible

dictu³ – всей Европы. Ибо таково магическое действие слов «Народное восстание».

Прошел год. Много воды утекло за это время. Отдельные вспышки народного восстания слились в одно мощное национальное движение, тесным кольцом окружившее российских комиссародержавцев. Это движение приняло организационные формы, оно имеет своего законного представителя – Российское Правительство, с ним считается весь культурный Запад.

Но кровавая борьба еще не кончена. Напротив, именно теперь она достигла наивысшего напряжения, именно сейчас предстоит решительная схватка и, быть может, решается вопрос – быть или не быть единой, свободной России.

И вот сегодня, в день нашей годовщины, невольно приходят в голову некоторые параллели. Ибо, как ни различен масштаб событий, но есть много общего в самом характере обстановки: так же надвигается лавина красных, так же наемные холопы китайцы, мадьяры и пр. руководят ими и дерутся в их рядах, так же зверина и беспощадна эта борьба.

Учебники логики говорят, что одинаковые посылки приводят и к одинаковым выводам.

Сравнивая психологическое состояние, настроение малого обывателя Ижевско-Воткинского района и настроение такого же обывателя нынешней русской столицы, я должен сказать, что бывают случаи, когда и учебники логики ошибаются.

У нас не было организованного государственного аппарата, у нас не было регулярной армии, у нас не было ни пушек, ни снарядов, ни даже пулеметов, наконец, наш фронт или, вернее, наши многочисленные фронты, кругом обложившие наш островок, отстояли от нас не на сотни верст, а самое большее на 10-15 верст.

Но у нас были люди, не головой, а всем своим нутром понимавшие, что вопрос идет о собственной шкуре, о жизни наших жен и детей.

И потому мы не спрашивали друг друга хорошо или нет на фронте, ибо мы знаем, что там *не могло* быть не хорошо.

Мы не задумывались над тем, что было бы, если бы такой-то сделал

³ Страшно сказать (лат)

то-то, а другой сказал так-то, ибо все мы были страшно заняты, а такие занимательные вопросы всегда требуют массу времени. Мы не обращали взоры ни на север, ни на восток, ни на юг, ибо мы прекрасно знали, что и на севере, и на юге, и на востоке так же придется драться с большевиками.

Толстой говорит, что «нельзя взять в плен, нельзя победить людей, которые этого не хотят». Мы решительно не хотели ни того, ни другого, и потому люди шли в бой только с одним намерением, во что бы то ни стало победить. И они побеждали.

Я вспоминаю наши первые, буквально в несколько часов сорганизовавшиеся отряды, они шли в бой необутые, не одетые, с одними винтовками в руках, против врага, вдесятеро превышавшего по численности, вооруженного до зубов артиллерией, пулеметами, шли с песнями, самой <не-разб>, детской радостью.

Как это ни странно, но абсолютно никто не интересовался, казалось бы, естественным вопросом: удастся ли справиться. Если была у людей тревога, то она сосредоточивалась только на одной мысли: удастся ли отбить пулеметные ленты и хотя бы одну пушку.

Результаты действий этих отрядов были отчасти опубликованы в печати и установлены документально: около двух корпусов красной армии легло около заводов, а Ижевско-Воткинская армия, после трехмесячной осады и непрерывных боев, вышла за Каму, снабженная в достаточном числе артиллерией, пулеметами и снарядами, снабженная исключительно за счет неприятеля.

Это нелепо с военной, со стратегической, с какой угодно точек зрения, но это голая истина, это подтвердит каждый участник Ижевско-Воткинского восстания, это подтверждают документы, и это было отмечено впоследствии самим Верховным Главнокомандующим.

Правда, у нас было много фронтов, но у нас не было ни одного тыла. «Тыл должен поддерживать фронт» – такая фраза в наших условиях не имела никакого смысла по той простой причине, что каждый человек, находящийся в «тылу», был в то же время и непосредственным участником на фронте. Сегодня я писал статью, другой рыл окопы, третий занимался в школе, четвертый в мастерской, но завтра все мы, услышав тревожный гудок, бросали свои перья, лопаты и станки, бежали к штабу армии и от-

туда, получив винтовки и выстроившись поротно, отправлялись в бой.

Так в чем же все-таки дело: почему Воткинские и Ижевские рабочие и крестьяне могли разбивать вдесятеро сильнейшего противника? Почему отряды Воткинских и Ижевских мальчиков – детей тех же рабочих и крестьян, могли голыми руками отбивать орудия?

Существует много изречений, ставших уже шаблонными. Известно изречение, что для войны нужны деньги и еще деньги. Говорят также: «Для современной войны нужны пушки, пушки и еще раз пушки».

Я не военный по профессии, но личный пережитый опыт Ижевско-Воткинского восстания говорит мне, что для войны, по крайней мере, для нынешней кровавой кошмарной войны, раньше денег и раньше пушек нужно то, что называется «духом» войска и духом народной массы, это войско пополняющей.

В Ижевске и Воткинске *«умели хотеть»* и потому достигали нужных результатов.

И если год тому назад я думал, что «маленький, глухой городок далекого Прикамья» станет известным всему культурному миру, то теперь я убежден, что тот «маленький, глухой городок далекого Прикамья» никогда и не будет забыт культурным миром.

Ибо сила человеческого «духа» и гордой человеческой воли есть вместе с тем и сила нации.

Г. Миленко

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ГОДОВЩИНА

Осенью 1918 г. на арену борьбы против большевиков выступили в Сибири чехо-словаки. Постепенно около них стали спланиваться, а равно и самостоятельно организовываться *Сибирские* и *казацкие* части. В результате этого стихийного народного порыва большевики были вытеснены из Сибири, а в начале августа потеряли Поволжье между Казанью и Сызранью, а также всю территорию к востоку от Волги (?).

Одновременно с этим, в половине августа 1918 г., вполне самостоятельно и без всякой помощи извне, гнев народный против большевиков вылился в *могучее восстание серой массы рабочего и крестьянского на-*

селения *Ижевского и Воткинского заводов и их окрестностей* на правом берегу Камы.

Ижевско-Воткинское восстание характерно и знаменательно в том отношении, что в нем удивительно дружно проявилась совместная работа различных классов общества, объединенных общою непримиримую ненавистью к насильниками–большевикам. Характерно оно еще и потому, что против советской власти восстало *рабочее население*, опровергая этим ходящее утверждение, что будто бы рабочий класс по самой структуре своей является преданнейшим оплотом большевизма.

Объединение офицеров, солдат и наиболее сознательных рабочих Ижевского и Воткинского заводов началось еще в *апреле 1918 г.* после целого ряда бесчинств, произведенных большевиками. Объединение шло вокруг создавшегося союза фронтовиков, а после того, как 7 августа чехо-словаки и войска Самарской народной армии овладели Казанью, вспыхнуло и настоящее восстание рабоче-крестьянского населения, как стихийный протест против чуждой русскому народу советской власти.

Поводом к восстанию явилось объявление большевиками мобилизации населения для усиления красной армии. Первыми, 10 августа, восстали рабочие Ижевского завода. Во главе с фронтовиками толпа бешеным напором смяла красноармейцев, захватила арсенал, совет. Большевики бежали, и Ижевск перешел в руки восставших.

17 августа Ижевские рабочие подошли к Воткинскому заводу и после недолгой борьбы овладели им, а вслед за тем, большевики были выгнаны и из Сарапула. И немедленно, с первого же дня, со всех сторон потянулись на завод сотни и тысячи окрестных крестьян добровольцев за винтовками на борьбу против большевиков.

Общее количество рабочих и крестьян, восставших против советской власти, доходило до 60.000 человек.

Военными руководителями, быстро и энергично организовавшими боевую силу восставших, были в Ижевске – капит. *Федичкин*, а в Воткинске – капит. *Юрьев*. Их организаторская работа протекала при общем сочувствии и могучей помощи местных рабоче-крестьянских общественных деятелей.

Создалась крупная противобольшевистская народная сила, захва-

тившая части территорий Сарапульского, Нолинского, отчасти Мамышского, Малмыжского и Уржумского уездов. Вскоре она стала сильно угрожать флангу и тылу 3-й советской армии, действовавшей в районе Перми. Большевики скоро оценили смертельную опасность, нависшую над советской властью со стороны того самого народа, который они похвалялись облагодетельствовать.

Троцкий сосредоточил все, что мог собрать со всей территории советской России, и отчаянным усилием оттеснил русские и чехо-словацкие войска от Волги к Уфе.

С отходом их, восставшие против большевиков рабочие Ижевского и Воткинского заводов оказались совершенно изолированными, и после трехмесячной геройской борьбы, будучи совершенно окруженными, не пали духом, а проявили высокий и поучительный пример *преданности долгу и идее борьбы против большевиков; они предпочли бросить свои родные места и семьи и пробились на левый берег Камы на соединение с войсками Всероссийского Правительства.*

Ныне в рядах войск Верховного Правителя, по-прежнему являя высокий пример воинской доблести и беззаветного служения делу борьбы с большевиками, сражаются исторические *Ижевская и Воткинская* дивизии.

Светлой надеждой на скорое окончательное свержение советской власти веет от этих крепких духом рабочих и крестьян, одушевленных сознательной идейной работой по возрождению России.

Они на собственном тяжелом и горьком опыте узнали, как безрассудно доверяться насильникам большевикам. Они воочию увидели, в какую беспросветную пропасть голода, нищеты и позора увлекают народную массу красные комиссары. Доблестный пример Ижевских и Воткинских рабочих и крестьян да послужит поучительным примером всем тем, кто в тяжелое время испытаний начинает падать духом!

Историческое же отныне имя Ижевцев и Воткинцев навсегда ярко записано на одной из блестящих страниц достопамятной книги, повествующей о титанической борьбе светлых освободительных сил за возрождение России.

А. Андогский

ВОТКИНЦЫ И ИЖЕВЦЫ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Революционный развал России и те неисчислимые и неизмеримые бедствия, которыми она обязана господству большевиков, есть дело всего русского народа. Эту простую, но часто забываемую истину надо осознать и твердо усвоить. Россию погубили мы сами, не посторонние и враждебные нам силы, не германская интрига, не инородцы-интернационалисты вместе с мадьярами, латышами и китайцами, а мы сами, имя которым Православная Русь. Не существует ни одного класса русского народа, ни одного слоя русского общества, на котором не лежала бы доля ответственности за развал. Одни подготавливали его идейные основы; другие доводили «народный гнев» до бешенства и разнуздали фурию разрушения, третьи, наконец, принимали в деле разрушения непосредственное участие. Эти последние действовали одни по убеждению, другие по затмению ума, третьи по корысти, четвертые по слабости, пятые по хамству – всех не перечтешь. И нет на всем громадном пространстве «Святой Руси» ни одной общественной группы, ни одной профессии, ни одной нации и ни одного класса, который имел бы, по справедливости, право сказать, что в нашей великой разрухе и в нашем великом бесчинстве нет и его доли вины и участия.

Но мало справедливости в мирских делах, и общественное мнение часто пристрастно. Вероятно поэтому общее мнение связало особо тесной связью большевизм и пролетариат. Все содействовало установлению этой тесной связи; и та же большевистская власть есть прежде всего рабочая власть, а большевистское правительство – рабоче-крестьянское правительство, причем крестьянство упомянуто, очевидно, ведь и играет второстепенную роль; и тот же рабочий класс составил основные кадры коммунистов и дал большевистскому движению множество деятельных работников; и, наконец, то, что рабочие коммунистические полки – м.б. лучшие полки красной армии. Наконец, не без влияния на образование общего мнения осталось и то обстоятельство, что в то время, как все классы обществ понесли чрезвычайный ущерб от большевистской политики, рабочий класс превратился в «государственного пенсионера» и, по видимости, выиграл. Так и сложилось очень распространенное мнение, что пролетариат, что рабочий – главная опора большевизма, и что на нем лежит

главная ответственность за большевистский развал.

Взгляд этот может в будущем причинить немало зла. Ведь настанет же когда-нибудь час примирения, час социального мира, когда амнистируются все прошлые грехи, все вольные и невольные преступления для того, чтобы совместными усилиями построить новую социальную жизнь и наладить новые социальные отношения. Это необходимое и неизбежное дело социального мира, только и могущего положить конец гражданской войне, может, однако, затормозиться, если к тому времени не замрут общественные предубеждения, и среди них отмеченное нами о преимущественной вине пролетариата в бесчинствах большевизма.

Конечно, время залечивает все раны, залечит и эту, но едва ли правильно строить расчеты на факторах, независимых от человеческих действий. Среди же человеческих сознательных и преднамеренных действий я не знаю ни одного, которое могло бы с таким успехом погасить обвинения, бросаемые рабочему классу, как героическая борьба с большевизмом в рядах белой армии воткинских и ижевских рабочих. Добровольная, вытекающая из убеждения, не поддающаяся ни панике, ни колебаниям, которыми страдают принудительно мобилизованные части, она в каждом беспристрастном наблюдателе вызывает почтительное изумление к этим серым героям, совершающим дело защиты не только единой и великой России от ее врагов и разрушителей, не только истинной свободы и гражданственности от ее искажителей, но и всего рабочего класса против его ожесточенных обвинителей.

Именно благодаря героической борьбе Ижевцев и Воткинцев, должны пасть огульные обвинения против рабочего класса, ибо если после годичной борьбы рабочих двух больших заводов против большевиков обвинения эти будут иметь место – то справедливости нет.

Большевистскую армию сформировало, обучило и ею руководит красное офицерство, но никто не обвиняет офицерство в его целом, как общественную истину(?) в большевизме, ибо существует добровольческая армия, ныне руководимая ген. Деникиным. Пятно предательства красных смыто добровольческим офицерством, смыто пролитой им офицерской кровью. Точно так же смыто пятно рабочего большевизма кровью Ижевцев и Воткинцев, и будут дни, когда рабочий класс с такой же гордостью будет

указывать на их подвиги, их героизм в государственности, с какой русское офицерство мыслит об участниках боев и походов Алексеева, Корнилова и Деникина.

Долг общества в новой мере оценить подвиг Ижевцев и Воткинцев и занести в анналы борьбы за воссоздание России великой и внутренне примиримой славных работников заводского станка, променявших молот и клещи на меч. Долг же рабочего класса перед ними неизмерим.

Белоруссов.

«Народная армия»

С Ижевско-Воткинским восстанием тесно связаны воспоминания о героических отрядах самоотверженных людей, первых поднявших знамя протеста против насильнической клики, купленных на немецкие деньги «интернационалистов», – отрядах, получивших гордое название «Народной Армии».

Все мы из «Совдепии», все мы жили – одни дольше⁴, другие короче, – под гнётом комиссародержавия, и все мы помним ту тяжёлую, подчас невыносимую атмосферу, которая стала сгущаться больше и больше, по мере того, как шайка международных грабителей прочнее свивала своё хищническое гнездо в самом сердце разбитой, растерзанной России.

И мы помним, как сначала робко, словно всполохи далёких зарниц, а потом смело и ярко загорелись гневом сердца лучших сынов и, схватив оружие, они понесли жизнь свою на алтарь, на котором куётся будущее счастье России.

И вот поднялось Поволжье от Саратова до Ярославля. Заколыхались народным движением уфимские и оренбургские степи, встала огромная Сибирь, и могучая волна от Владивостока до Казани подхватила на свой гребень все лучшие силы во имя освобождения и возрождения униженной родины...

О, какой отвагой горели сердца, какой веры были они преисполнены, какие горизонты мерещились открытым взорам!

И в то время, как в Поволжье, Сибири, Уфе и на Урале слава солдат

⁴ В тексте – дальше.

«Народной Армии» отчасти меркла в том ореоле, какими прошлой осенью были окружены чехо-словацкие отряды, в Прикамье, куда не пришли чехи, почти легендарной славой окружена Народная Армия. И первую пальму народного признания, первое незабываемое восхищение перед мужеством, стойкостью, самоотверженным рвением, – народ отнесёт воткинцам и ижевцам.

Это было поистине народное ополчение, формировавшее свои кадры из гущи народа, сзывавшее в свои ряды сынов не мобилизационными приказами, а общим неудержимым порывом, стремительным и бурным, как поток.

Поля, города и веси оглашались призывным кличем, а в ответ ему по дорогам конными и пешими рядами двигались загорелые лица, и мозолистые руки, только что оставившие на вспаханном поле борону, держали, подчас неуклюжим жестом, непривычную для них винтовку.

И этим повстанческим отрядам, у которых было так мало умения действовать сомкнутым и рассыпным строем, у которых было так мало технической военной подготовки, заменяла сила духа все недостатки чисто военного навыка.

Бесконечная ненависть к большевикам и страстное желание, сбросив их ярмо, никогда уже не знать чьего-либо гнёта, были для Народной Армии теми паролями, на которых держалась её дисциплина.

Солдат Народной Армии никто не призывал – они шли сами. Их плохо и наскоро обучали. Между отдельными частями нередко не было никакой связи. Отсутствовало и общее руководство военными операциями. А тыл не был организован для помощи армии. Это были, по существу, партизаны.

Но у них было самое драгоценное: сила духа!

Мне вспомнился случайный эпизод, рассказанный в одной из деревень под Воткинском.

По горе раскинулась цепь народно-армейцев. Их с парохода, стоявшего на Каме, (шел) обстреливали из трёхдюймовки и пулемётов.

Одним из «взводов» у народно-армейцев командовал поповский сын – семинарист. И вдруг, воспользовавшись минуткой, «взводный» исчез. Среди солдат раздался ропот. Решили даже прикончить семинариста за

позорный побег с боевой позиции. НО вот прошло не более получаса, и рота видит, что сбежавший «взводный» тащит где-то раздобытый пулемёт. Затрещала лента. Свинец стал поливать командную вышку парохода. На нём произошло замешательство и вскоре, прекратив стрельбу, пароход скрылся за поворотом реки.

В Народной Армии была какая-то особая внутренняя дисциплина.

Николай Тарабукин.

ДУША НАЦИИ

Ижевцы и Воткинцы – эти названия должны быть дороги каждому русскому патриоту, как первые проявления народного самосознания среди той бесовщины, которой одержимы ещё многие тысячи русских людей.

Рабочие-крестьяне, отвергшие с негодованием «рабоче-крестьянскую» власть Ленина и Троцкого, показывают на себе всё благородство и мудрость, присущие простому русскому народу, – черты, составляющие его отличительную особенность, но затемнённые классовой ненавистью, посеянной хитрыми интернационалистами.

Ижевцы и Воткинцы чувствуют «пророчески-слепым» инстинктом смысл и значение таких явлений, как родина и нация. Они знают, что родина – страна отцов их, которая искони создавалась трудами многих поколений русских людей всех состояний и званий. Они понимают, что русская нация (народ) обнимает собой всех русских без различия классов и достояний. И земледелец, и рабочий, и воин, и священник, и купец – все в своё время потрудились над созданием Великого отечества нашего – России, и все они – русские, родные братья по крови и духу.

Весь народ, собранный невидимо воедино, связанный духовными нитями, которые неслышно дрожат и поют, как живые струны, исторгающие несмолкаемую прекрасную песню – душа нации.

Разве в каждом русском слове не слышится отзвук этой неслышной таинственной музыки, которая заставляет дрожать сердце каждого русского? Это – откликается *душа нации*.

И множество, множество откликов возникает в душе русского, кто живёт одной духовной жизнью со своим народом, кто никогда ему не из-

меняет, кто не может дышать отдельно от него.

Мы видим, как сермяжная крестьянская Русь поднимается с своих насиженных мест и идёт сражаться против насильников-большевиков, мы видим Ижевско-Воткинские дружины, выступающие на врага родины, видим встающие крестоносные рати православных людей за Церковь и Россию. И разве в каждом этом случае сердце наше не дрогнет болью сочувствия и радости?

И теперь, когда мы видим у себя в Омске Ижевцев и Воткинцев, этих попросту благородных русских людей, душа наполняется особым чувством. Это – чувство утolenия нашей патриотической боли и отчаяния, испытанных нами за всё время революции, за эти два с половиной года национального позора.

Ведь есть же на русской земле люди, которые сохранили веру в Бога и любовь к России, которые не пошли на приманку «комиссаров» и не продали своего доброго имени простых русских людей за чечевичную похлёбку.

Одно это сознание даёт опору нам в трудной борьбе за Великую Россию.

Если есть рабочие и крестьяне, которые понимают смысл этой борьбы, значит русской национальной интеллигенции стоит жить, трудиться и бодро смотреть в будущее русского народа.

А. Булдеев.

В СЕРДЦЕ

Маленькая вятская деревушка, утопающая в конопле и ржи, прислонилась к тёмному бору... А он, красной глиняной дорожкой сбежал к Каме.

Звонкие голоса ребят на отмели. Рыбачьи челны и здоровые, добрые оклики их хозяев, далеко звучащие по воде. Грибы, малинник, странствующие поросята и пятилетние Анютки с волосами, светлыми как лён.

Благодать!

Мы приехали в этот маленький рай <из> другого рая, созданного безумной холодной мыслью, окрашенного кровью.

Оставляя позади себя разорённый город, изуродованные стены Кремля, полный голодных, мешочников и полных лиц комиссаров, мы, казалось, утратили чувство родины, чувство Москвы: всё убито, опозорено. И так народ, о котором ещё в молодости пели такие прекрасные песни, за которые шли в тюрьмы, в Божью душу которого так пламенно и нежно верили, либо, думалось, есть ложь, мечта: либо быль, но умер безвозвратно.

И вот после бесконечных допросов,⁵ угроз расстрелов⁶ после красного Сарапула, *ощетинившегося* чёрными зубами своих пожарищ, вдруг деревушка у леса, далёкая и не от мира сего⁷ по имени Костоватая, в районе Воткинского завода. Ни газет, ни злободневной частушки. Угрюмые, закалённые работой лица, с добрыми, светлыми глазами, выглядят сосредоточенно и несколько тревожно.

Сначала даже косились.

Не большевики ли там? А когда узнали и поняли, то раскрыли свою наболевшую душу.

И где-нибудь на задворках, на брёвнышках, чтоб, сохрани Боже, не увидел как-нибудь красноармеец, посланный на разведки, или не донёс Федька-вор, пьяница и разбойник, вколотивший меня в гроб. Федька-Вор – сам «комитет бедноты», ведёт долгие беседы. Осторожно, но сильно скаывается вся ненависть, всё оскорбление, вся тоска, весь ужас «дней» Троцкого и Ленина – хуже смерти.

Руки опускаются. И когда вдруг как поймали в лесу татарчонка⁸, принятого за комиссарского соглядателя, то тут дело всколыхнувшееся злобой, чуть-чуть не разорвали его. Потом отошло, «дали» хорошенько «в загривок» - беги да не попадайся! Умчался, как заяц.

Так жили изо дня в день среди ароматов полей и сосны, под звон кос и жужжание пчёл, затаив горькую тревожную душу, и вот раз вдруг сразу, как улей зашумела, зашептала громко деревушка: бабы, девчонки повысыпали на зелёную улицу.

Что случилось? В соседнем Галёве, в селе у пристани, не выдержали, убили комиссара, зверя Медведева... Того самого, который в Сарапуле на

⁵ В тексте - оброзозв

⁶ Так в тексте

⁷ В тексте: и не от меры сей

⁸ В тексте - татарчейка

комиссарстве около миллиона теперь со своей бабой держал в трепете всю округу.⁹ Убили, вооружились, кто чем мог, и пошло.

Где ты, вечно горящий, промокший под дождём неутомимый Ларионов, (так нагретый), что со своей одностволкой босиком бегал десятки вёрст, утопая по пояс в прибрежных зарослях, высиживал, всех вострепенул, начал.¹⁰

Зашевелились.

Сразу вышла наружу затаённая мысль, сразу забилося сильнее истерзанное сердце. Поняли, что теперь либо жизнь, либо смерть. Прежде всего, собрали сход, отказались от красноармейской мобилизации, а потом – кто за что...

Бородатый дядя Егор тащил вилы, Иван Николаич одел лапти – не узнаешь, и раздобыл винтовку... Даже придурковатый пастух Федюшка пойдёт нынче на дежурство на «вышнюю», что у каменного обрыва, бабы снаряжают<ся> по ночам носить часовым продовольствие.

Тревожные ночи, возбуждённые дни!

По колоколу все сходились у часовни... Прискакали в село: «Вся волость подымается»...

Винтовок-то, винтовок мало!

Заговорили!...

Не узнали Костоватые: патрулей назначают, пароли¹¹ выдумывают, в разведку ходят, а бабы в поле работают.

Все за одного, один за всех!..

Идите, проклятые, ждём!

И они пришли...

Звонкий детский голосок гудками несётся к деревне по лесу...

Что кричит?.. Не разберёшь...

Бежит бакенщикова сынишка, еле дух переводит. За ним ковыляет, не поспеешь, дед пасечник. Приехали из Сарапула на пароходе, высаживайтесь.

Выручайте родную Костоватую. Господи, хотя бы с завода помогли... Вчера оттуда весть пришла: 17-го убили рабочие комиссаров и осво-

⁹ ...украл около миллиона и теперь держал в трепете всю округу?

¹⁰ Смысл абзаца тёмный.

бодили Завод от ненавистных насильников.

Надо дать знать!

Может, и помогут!

И дни трещит пулемёт в лесу. Из Галёва и нашим тоже привезли. Пришла оттуда поддержка лапотная, сермяжная, кто с чем, Ларионов опять впереди.

Ложись, ребята, рассыпая, с берегу их, с берегу. Только лапти мелькают. Хлопают винтовочки в лесу и на камне, трещит пулемёт, гудок пароходный воет.

А деревня сильно вымерла: только куры кудахчут.

Жутко! и всё же отбили, сами отбили первый раз. Утёк пароходик! Теперь силу приведёт!

Возвращаются с берега, из леса пыльные, голодные, весёлые, радостные.

Бабы не знали, как и накормить!

Рассказов – тьма.

Двоих поймали, не успели на пароход вскочить. С берегу 5 лодок красные угнали, пулемёт бросили, а Васька Егоров сын так от стрельбы в раж вошёл, что в Каму свалился.

Прошла ночь спокойно, ожидали, дежурили. А наутро: гудок за гудком несётся с Камы, трещит вдали, звенит по лесу. Видно с горы: идут 3 парохода с баржей, на барже пушка, пулемёты прибрежный лес обстреливают, пропали братцы!

Но тут-то и пришли «они». Воткинцы... Это были их первые «роты», потом их стало больше 20-ти. Вдруг подошли к деревне, сначала испугались костоватых: кто же это, Господи? Потом видят, белыми платками перевязаны руки. Наши, свои, родненькие!... Всё больше молодых, бодрых, весёлых, с загорелыми честными лицами. Сейчас от станков, а словно старые воины: смелые, как орлы. Выручить пришли! Рассыпались по деревне на передышку, разлеглись на травке; пускай красные поближе подойдут (а те – грохочут). Бабы, мальчишки молоко несут, квасу, огурцов, не зная, как принять, как благодарить! А что, за всё «спасибо, тётушка, благодарствуем, вот хлебнём кваску, да и за дело... Присоединяйтесь-ка,

¹¹ В тексте - пороли

мужички!!!» И опять с ружьём Иван Николаевич, и снова летит вперёд Фёдор-пастух... Не отдали Костоватую, отбили!

Теперь всё это ушло далеко... И может быть память изменила последовательности фактов, но когда вспоминаем эти светлые, истинно геройские святые лица первых воткинских офицеров, одетых в бабьи кацавейки, чтобы не было холодно, хотя и в пенсне; эти горящие радостью глаза первых дружинников из рабочих, эти всколыхнувшиеся бороды Иванов и Егоров, то молитвенно вспоминали вас в Святые дни...

Ведь от вас пошли те стройные роты и ряды с перевязками на руках, которые после превратили площадь завода в военный лагерь. За вами потянулись к заводу, как к сердцу, все окрестные деревни и сёла. Я помню эти деревенские процессии: вот *** волость, возвратились по домам, получив снаряжение; в процессии из деревенских делов участвуют не только мужики, а и бабы несут винтовки, охраняют ящики с патронами пёстрая толпа! А через неделю узнали, что прибавили ещё несколько рот, и красные отошли ещё за 30 вёрст...

Прочтёшь в «Воткинской Жизни» дорогое имя поручика Мудрынина и будем верить, крепко верить, что побеждает прежде *всего народ*, *если он этого хочет*. И если он жив в одном месте, то не умер и в другом. И подождите, он ещё проснётся и исполненный сил пойдёт за вами, Воткинцы!

Алек. Фовицкий.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Особенностью общественной атмосферы, которая была характерна для Ижевска и Воткинска в период их героической борьбы с большевиками, было крайне редко наблюдаемое единодушие, крепко спаявшее между собою самые разнообразные общественные элементы.

Общая ненависть к большевикам, вынужденная замкнутость в крепко стиснутом вражеском кольце, объединили всех вокруг общего дела.

Только что пережитый населением заводов большевизм, с его основной тенденцией разжигания классового антагонизма, как будто, не оставил никакого следа, – напротив, быть может, послужил предупреждающим напоминанием при формировании новых политических и граждан-

ских взаимоотношений.

Нужно отметить почти полное отсутствие трений между, напр., военными организациями и представительством от рабочих, которые, входя во все военные организации, отлично сознавали свои функции, не выходящие за пределы морального контроля и поддержки своим общественным авторитетом всех начинаний новой власти.

Хотя «совет рабочих депутатов» и остался, но весь его состав, а, главное, задачи и цели тотчас же изменили свое направление. Само собой разумеется, что «совет» сам устранил себя от власти, которой он обладал при большевиках, сведя свою роль на степень общественно-политической и профессиональной организации, стоящей на страже интересов рабочего класса.

Ценно и характерно, что эта перемена произошла вне зависимости от какого бы то ни было давления извне, ибо фактически и после свержения большевиков «власть» была в руках все тех же рабочих.

Нигде, быть может, не ощущалась столь остро нужда в интеллигентных силах, как здесь. И нужно отдать должное, как военным властям, так и рабочим, являющимся, по существу представителями общественности, что они сумели мобилизовать все силы, могущие своим опытом и знаниями способствовать успеху общего дела. И так наз. «интеллигенция» охотно пошла на помощь и совершенно бескорыстно отдалась работе, которой от неё все ждали.

Работа общественных элементов была в полном смысле самоотверженная. Здесь чувствовалось напряжение атмосферы, творчески созидательного труда, которому бескорыстно отдавались все в течение трёх месяцев, не зная, что такое урочные часы для работы или, что такое праздничные дни. И за этот напряженный труд все служащие, как гражданских, так и военных учреждений, а также и рабочие заводов – получали лишь две трети содержания, т.к. касса местного казначейства пустела, не имея никаких притоков. Отказ от одной трети содержания прошел безропотно, ибо все сознавали преобладание нужд армии и общих нужд над частными потребностями.

Сплоченность разнообразных общественных элементов, объединенность их вокруг общего дела, была столь разительна, что вспоминая

о ней теперь, невольно думаешь, что этот маленький городок, имя которого до прошлого года не знало, наверное, большинство русских граждан, – мог бы послужить примером здоровой, крепко спаянной общности, так необходимой в острые и тяжёлые моменты переживаемые нами.

Н.Т.

Из книги жизни

Одни равнодушно и тупо молчат,
Другие играют словами.
Но третьи – ответно на битву спешат
С горящими верой сердцами.

А если падет поколение борцов
И Родина вольной не будет, –
Раздастся из гроба их пламенный зов
И новые силы разбудит.

И тысячи смелых низринутся в бой,
Как волны великой стихии
Во имя Единой, Могучей, Родной,
Свободной и славной России!

Г. Вяткин

ВОСПОМИНАНИЯ

Весь Прикамский край, как и вся России того времени, питался теми однобокими сведениями, которые были в совдепских известиях, да слухами. Совдепские известия, при всей их наглости и «бахвальстве», все же говорили, что в России далеко не все благополучно: где-то существует «Дутовский фронт»; на Юге группируются офицеры и солдаты фронтовики, не отравленные ядом разложения; наконец, образовался чехо-словацкий фронт.

Потом стали доходить вести о падении Самары и т.д. Слухи имели подтверждение. У нас, в Прикамье, зашевелились совдепчики, набирались дружины из коммунистов и их близнецов – максималистов и отправлялись куда-то на фронт. Хотя все «фронты» были где-то далеко, но в Прикамцах зажглась искорка надежды на возможность избавления от благ «рабоче-крестьянского правительства». Широкие массы не знали, откуда, когда и как придет это избавление. Оно пришло неожиданно-негаданно. Пришло из толщи их же самих.

8 августа (нов. стиля) 1918 г. рано утром, на Ижевском заводе восстали рабочие во главе с бывшими фронтовиками. Восстали дружно и покончили с совдепом и коммунизмом в один день, несмотря на наличие вооруженных до зубов отрядов красной армии. Восстали буквально с пустыми руками и свергли «товарищей» их же оружием.

Воткинский завод от Ижевского в 60 верстах. Разумеется, воткинские «товарищи» не могли оставаться равнодушными к дерзости «контр-революционеров» у них под самым носом. Между Воткинском и Ижевском 9-го августа образовался «фронт» (станция Июльская в 30 вер.)

Воткинцы и вообще все Прикамье с замиранием сердца следили, что будет дальше, а положение предвиделось поистине ужасное... Казань, Вятка, Пермь являлись пунктами сосредоточения красной армии. В Сарапуле (65 вер. от Ижевска) была часть уфимской армии, как раз латыши. Из всех этих пунктов возможна была быстрая переброска отрядов на Ижевск, что, конечно, и случилось через 2-3 дня.

Помимо страха за Ижевск, в душу всякого забирался страх за свою судьбу – во-первых, «совдепчики» видели в каждом «не нашем» обязательно контр-революционера, «дутовца»; во-вторых, с целью парализовать распространение восстания, они стали намечать заложников. Участь заложников была Прикамью хорошо известна по заложникам, привезенным в Сарапульскую тюрьму из Уфы.

Составленный Воткинским совдепом список заложников был известен попавшим в него кандидатам. Причисленные к лику «важных», удостоенные чести занесения в список, из скромности, конечно, уклонились от этой чести и разбрелись по деревням, выжидая дальнейшего развертывания событий. А события развертывались весьма быстро.

17 августа, в субботу, с утра наблюдались необычные явления, но определенного ничего до деревни не доносилось. Явления были такого свойства: во-первых, не проходили поезда из Галева в завод и обратно; во-вторых, на деревне многие слышали не в положенный час заводские гудки. Около полудня деревня заговорила. «Иван утром повез на базар теленка и вернулся от самого завода, потому что там идет страшная пальба!» Такие «происшествия» заставили сильнее биться сердца невольных дачников, разжигали наше нетерпение узнать, что и как, но узнать было неоткуда. Наконец, вечером в деревню приехал железнодорожный сторож и сообщил, что в Воткинске с 7 часов утра шло сражение и к 10 часам все кончилось: «Теперь там нет ни одного комиссара и ни одного красноармейца». Стало ясно – случилось то, чего ожидалось и что страшило своим исходом.

Через день попадаем в Воткинск. Поезда еще не ходили, и пришлось совершить путешествие пешком.

Воткинск не узнавали. За полторы-две недели имел «забитый» вид, а тут вдруг невиданное оживление. По улицам снуют масса людей. На лицах всех какой-то особенный отпечаток, какой-то радостно-заботливый. Идут группы крестьян окольных деревень. Идут в лапотках, а то и просто босые, с узелочками под мышкой, редко с мешком за плечами.

– Откуда?

– Дреминские.

– А куда?

– Мобилизовываться идем. Где помещается комендант?

Не знаю почему и для чего, просто, очевидно, по настроению, не пропуская ни одной встречи с крестьянами, я спрашивал «откуда?» и «куда?». И получал ответы: «Липовские», «Камская волость», «Гавриловские», и т.д. И все объясняли: «мобилизовываться», «вооружаться», «в ряды фронтовиков», а в одной группе крикнули просто – «сражаться идем».

За рабочими всколыхнулась и деревня. Общий подъем распространился далеко за пределы Воткинска.

Отдохнувши немного после приличного перехода пешком, спешу к центру оживления – к Штабу.

Штаб и комендант поместились в том доме, мимо которого еще не-

сколько дней тому назад большинство обывателей Воткинска проходили со страхом и трепетом – тут был «Исполком совдепа», тут из окон торчали дула пулеметов. Приближаюсь к штабу. Невиданная картина перед глазами.

Толпы народа. Рабочие перемешались с подходившими крестьянами. От штаба двигаются стройными рядами уже вооруженные группы. Скачут туда и обратно верховые. Слышатся песни, настоящие солдатские песни, которые, казалось, уже забыты. Все спешат, все озабоченно сосредоточены и в то же время все празднично веселы.

У самого штаба такая масса людей, что невозможно протиснуться в штаб. Такого моря голов большевики не видывали ни на одном своем митинге.

Среди моря голов молодой человек объясняется с жавшей его плотной массой. Помню дословно весь его разговор с толпой:

– Вы откуда?

– Черепановские... Есть Луговские... Мы Осиновские – загудела толпа.

– Ну, хорошо. Зачем пришли? Помогать нам? Да? – спрашивает молодой человек.

– Мобилизовываться... За оружием. Вооружаться... – Опять загудело кругом.

– Так-так, вот знайте, зачем мы идем. Рабочие Ижевска и Воткинска сбросили власть большевиков... (идет пояснение, как «сбросили») Мы идем за Учредительное собрание, которое одно только может распорядиться как и что. Вы пришли к нам, становитесь в наши ряды, так знайте, что мы должны или победить, или умереть, а другого выхода и быть не может.

– Знамо, зачем идем, – крикнуло несколько голосов.

– А раз так, то разбивайтесь по группам, по деревенью и стройтесь в ряды. Вам выдадут сейчас же винтовки и патроны. Потом укажут где столовая и отведут в помещение. А там, куда будет нужно на фронт, туда и пойдете. Выстраивайтесь. Выделите пока командиров – фельдфебелей и старших унтер-офицеров, наверное, есть такие среди вас.

– Найдется, как не быть.

– Ну, живо сортируетесь и марш, освобождайте улицу.

Все зашевелилось, загудело, через 20-30 минут вместо густой толпы стояли группы, построенные в правильные ряды. Перед каждой находился командир – фельдфебель или унтер-офицер. Еще через полчаса эти ряды, уже вооруженные новенькими винтовками, двигались с песнями от Штаба к заводской плотине. На смену им появлялась опять толпа и опять та же картина.

Формирование отрядов и вооружение шло скорее, чем деревенская хозяйка печет блины. Списки разные и вообще канцелярщина отодвигалась на задний план и проделывалась после, на досуге.

Пробираюсь в помещение штаба. Боже мой, что там делается! Настоящий муравейник. Кругом все копошатся, все спешат. Полно народа. Распоряжения, вопросы, ответы – и все это быстро, на ходу.

– Вам что? – вопрос одного из штабных к двум субъектам, по-видимому, рабочим.

– Мы рабочие с N завода, бежали оттуда уже второй месяц. Шатались по деревням. Хотели вступить в ряды. Хотелось бы в отряд, где рабочие.

– Пожалуйста. Идите вон в ту комнату и спросите, где отряд N. Вам укажут, и отправитесь в него.

Останавливаюсь у двери канцелярии коменданта. Оттуда слышится:

– Не мы вас призывали, а вы, восставшие, призывали нас, бывших офицеров, призывали как более опытных и знающих военное дело. Призывали и облекли нас своим доверием и поручили командовать вами, так и исполняйте в точности наши распоряжения и нашу команду. За нашими действиями следит и контролирует вами же созданный орган «союз фронтовиков». – Эти слова были сказаны (и потом не раз повторялись) лицом, сыгравшим в жизни армии самую крупную роль.

Потолкавшись у штаба и в штабе таким образом раза три-четыре, ко всему присмотревшись, прислушавшись, я вполне искренне уверовал, что положение восставших крепнет, из формирующихся наскоро отрядов будет создано нечто здоровое, сильное духом, могучее. Это «нечто» не раздавить и даже не подавить тем «совдепскими силами», какие видел я в достаточном количестве. Я не ошибся.

Исп-ский

ГОДОВЩИНА ВОССТАНИЯ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА

Октябрьское воцарение большевизма в Ижевском заводе прошло без особенных эксцессов. Обычные митинги, столкновение с максималистами из-за красной гвардии, два-три портрета Керенского с продернутой бечевкой на шее, прилепленные к заборам, вот и всё, чем ознаменовалось это воцарение. Воссел совдеп и открыл свою лавочку. Чего, чего тут не было: и домашнее, и народное образование, и агитация, и чрезвычайка, и т.д., и т.д. – точь в точь, как на сорочинской ярмарке.

Однако это видимое торжество вскоре же омрачилось одним обстоятельством. Перевыборы в совет рабочих депутатов дали перевес беспартийным. Все более убеждались в том, что работа на заводе при большевистских порядках, при полном отсутствии контроля, приведёт к закрытию завода, а следовательно и к безработице, как-нибудь, а необходимо было реагировать на власть предрешающую. Но большевики торопились переходить от слов к делу. Старый исполком согласился передать власть новому при условии сохранения за собой двух отделов: финансового и военного, проще говоря, штыка и подкупа. Поговорили, поговорили с пустыми-то руками депутаты – видят, дело не выходит – стали в сторонку.

Между тем, большевики объявили призыв добровольцев, на каковой клич явилось до 600 юнцов, нагло обманутых подростков, которым были розданы ружья и патроны. Всю ночь палила у себя дома, на огородах новоиспеченная красная армия. Офицеры были взяты на учет, с запрещением отлучаться без ведома не только из города, но даже и из дома, а потом арестованы, человек 13 из местных зажиточных обывателей взяты были заложниками и отправлены в Сарапуль; кстати, арестовали и студентов перед их концертом, но вскоре отпустили. И всё без предъявления каких-либо обвинений. Атмосфера сгущалась и должна была разрядиться.

День этот наступил. В ночь на 7 августа раздался заводской гудок. Большевики предложили собравшимся фронтовикам отправиться в Сарапул, где они будут сформированы и вооружены для отправки на Казанский фронт. Вероломный план большевиков, задумавших уничтожить невооруженных фронтовиков, был разгадан, и на отказ выдать им оружие здесь – дома – ответили восстанием. На другой день, оцепив весь завод и вооружив чем попало находящихся там рабочих, фронтовики выгнали красных из

завода. Таким образом, река Иж, как Волхов в Новгороде, разделил всю территорию Ижевска на две части: на заводскую – заречную, где засели фронтовики, и на нагорную, куда бежали красные. Только на другой день, имея в распоряжении всего лишь два десятка винтовок, повстанцы справились с красными, которых насчитывалось до 4.000 штыков. Итак, свершилось!

Но враг не дремал. Разбежавшись во все стороны, набирал он банды.

Что творилось на белом свете, никто не знал. Взятие Казани чехами и добров. отрядами, конечно, поддерживало в сердцах мужественных борцов надежду на получение хоть незначительной помощи. Вызвались охотники пробраться через большевицкий фронт в Казань, рассказать там о положении дел, тем более, что большевикам слишком было обидно и некстати отдать громадный оружейный завод. Борьба только начиналась. И вот известный большевик Лытомов¹² (?) с значительным отрядом подкатил к Ижевску. Уже бой шел на окраинах города, но, как всегда это бывает, твёрдая уверенность и личная храбрость каждого борца, эта могучая сила, сыграла и на этот раз решающую роль в пользу защитников. В последний момент Ижевский штаб с начальником штаба во главе, имея впереди военный оркестр, пошёл к месту боя. И под звуки могучего марша красные были разбиты наголову, вообразив, потом рассказывали пленные, что на помощь к Ижевцам пришли свежие подкрепления из Казани. После этого уже ничего не стоило Ижевцам взять под музыку и Сарапул.

Тем, кому дорога была жизнь истинных сынов родины, ясно было, что подобная попытка красных не последняя. С невероятными усилиями принимались меры к организации обороны (в окопных работах принимали участие даже женщины-добровольцы, не говоря уже об учащих, из которых многие стояли под ружьем). Отдельный отряд под командой офицера К.¹³ был послан в Самару за снарядами и деньгами. И нужно было видеть весёлые, жизнерадостные лица их, приехавших на пароходе в Уфу, где они ждали свинцового гостинца для большевиков и отдыхали после целого ряда жарких боёв.

Прорвавшись кое-как к своим с необходимым запасом денег и сна-

¹² Антонов?

¹³ Куракин.

рядов, отряд опять энергично принялся за свою работу. Настали для Ижевска крестные дни, дни печали, перемежающиеся с днями удач и успехов, как от нашествия мамаявых полчищ отбивались рабочие, но силы таяли, а, главное, все более и более падала вера в помощь живой силой. Чтобы напугать красных, которые в это время стали проявлять беспокойство, некоторые части нашивали себе красные полосы на штанах, изображая из себя казаков! Так хотелось верить, что не одиноки Ижевцы в неравной борьбе. Но по-прежнему Ижевск оставался отрезанным от всех и предоставленным самому себе. Это была какая-то республика, со своими законами и порядками. Так, когда неприятель приближался к заводу, а это было не один раз, раздавался гудок, и все мужчины, способные носить оружие, брали винтовки и, быстро сформировавшись, немедленно отправлялись на фронт. Их провожал непременно оркестр, который на другой день, случалось, провожал в вечное упокоение дорогих защитников. Жуткие и торжественные дни доживал Ижевск, под грохот пушек и звуки похоронного марша. И лишь через три месяца громадная и богато снабженная армия красных принудила оставить город. Почти все жители и доблестные защитники в особенности, вышли в чем были, не заходя домой, оставив на произвол судьбы свои семьи и имущество.

В этот момент моральное состояние наших отрядов было весьма угнетенным. Всё же, имея в своем распоряжении достаточное количество орудий и пулемётов, отобранных у красных, уже на левом берегу Камы, штаб сформировал бригады, выделив из числа всех добровольцев молодой элемент и отпустив стариков и больных на все четыре стороны, войти в связь с Уфимскими добровольцами.

Совершенно раздетые, но твёрдые духом, шли Ижевцы по направлению к Уфе чуть ли не 500 вёрст узким коридором, местами имея фронт противника в 3-х верстах от себя. И только в соседстве с Уфой Ижевская отдельная стрелковая бригада начала принимать вполне боевой облик. Полным ходом шло обучение военному строю, а рядом уже чувствовалась сильная, твёрдая власть. Надо было заявить ей о своём существовании.

В умелых руках Ижевская бригада сразу дала себя почувствовать красным. Каким только большевицким полкам не попадало от Ижевцев: и железному, и коммунистическому, и крестьянскому! Но, что могло устоять

перед воодушевлённой, теперь уже организованной силой, когда один полк Ижевцев, столкнувшись с тремя полками красных, не только не отступал, но брал 2000 пленных, обращая в бегство два остальных. Под Чишмой Ижевские части шли в бой с гармошкой и песнями.

Когда Ижевские полки, ведя непрерывное наступление, были далеко от своего города, в это время полки ген. Вержбицкого взяли Ижевск. По приказу Верховного Главнокомандующего рабочие были отпущены на отдых, на побывку со своими семьями.

Но отдохнуть пришлось недолго. Опять эвакуация завода, но при обстановке далеко не похожей на отступление в ноябре прошлого года. Теперь Ижевцы не горсть. Верные сыны родины – казачество, добровольно поднявши меч на дикого вампира, протягивающего свои косматые, дьявольские лапы в Сибирь, весь сознательный элемент сибирской армии, карпато-руссy, все скоро дадут почувствовать свою мощь в борьбе за великое дело возрождения единой, неделимой и могучей матери, имя которой Родина.

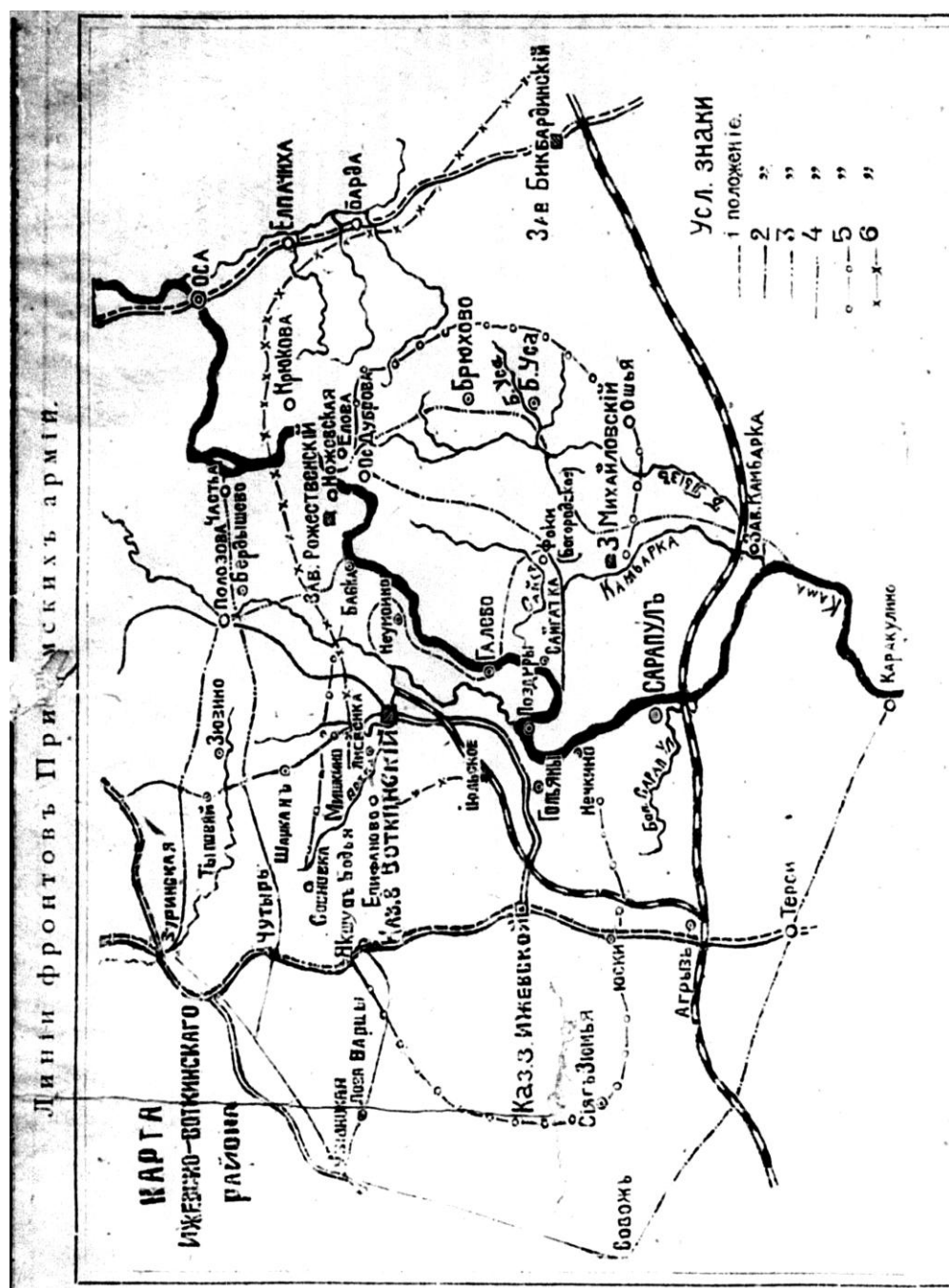
Настал час, и он близок, когда вся чаша испытанного горя и лишений, кровь ни в чем не повинных 7770 жителей, замученных большевиками Ижевских рабочих, будет искуплена грозным потоком мести.

С неослабимой энергией формируется и разворачивается Ижевская бригада в дивизии, и ее призыв к добровольцам не остается пустым звуком. Это лучший подарок к исполнившейся годовщине беспримерной борьбы рабочих со своими насильниками. Привет Вам – стрелки! Родина ждет от Вас новых подвигов и не забудет их.

Ижевец

КАРТА линии фронтов Прикамских армий

8-го августа н.с. 1918 года восстание фронтовиков и рабочих на Ижевском заводе. Со второго же дня образовались фронты: у ст. Июльское¹⁴, в сторону Воткинского завода у с. Завьялово, в сторону Сарапула, и к ст. Агрыз, в сторону Казани.

17-го августа н.с. восстание фронтовиков и рабочих на Воткинском заводе. На второй день образовался фронт по линии берега р. Камы у с. Галёво¹⁵, куда красная армия пыталась подойти и высадиться с пароходов на берег.

Дальше изменения общего фронта всех Прикамских народных армий (Ижевской, Воткинской и Сарапульской) за время с 8 августа по 12 ноября

¹⁴ В тексте Тюльское

¹⁵ В тексте Ралево

делится на 6 периодов.

1-й (смотри условный знак на карте) за время с 21 по 25 августа.

2-й – с 26 августа по 1-е сентября – неоднократный, но обычно безрезультатный набег красной флотилии по р. Каме

3-й – с 1-го по 15 сентября. Разбиты наголову два полка красных одним первым Воткинским полком под командой поручика Мудрынина.

4-й – с 15-го по 30 сентября.

5-й – с 1-го по 10 октября.

6-й – с 15-го октября по 10 ноября. Блестящие дела: в Докшинском районе отряд Ижевских техников под командой Куракина, при участии небольшого отряда полковника Власова, где взяты артиллерия и масса военного снаряжения.

11-12 ноября Воткинская и Ижевская армии оставили свой родной берег и перешли за р. Каму; благополучно перешли через не покрывшуюся льдом такую большую реку, как Кама, не только армия, но и беженцы, свыше 20 тысяч человек. При всём горячем желании описать точно и более подробно удачи и неудачи Прикамских народных армий (хотя бы даже одной) за время 3-х месячного героического отстаивания своего родного края, к глубочайшему сожалению не могу этого сделать по причине совершенного отсутствия источников. Приведенную выше карту и краткие пояснения набросаны исключительно по памяти и по весьма скудным заметкам в памятной книжке.

Пользуясь случаем, не могу не выразить чувства глубочайшего сожаления по поводу неосуществившейся до сего времени идеи бывшего главнокомандующего Прикамскими армиями полковника Г.Н. Юрьева составить возможно полную историю Воткинской народной армии и всего народного движения Прикамского края. В своё время по приказу Г.Н. Юрьева при Воткинской дивизии была организована специальная комиссия по разработке материалов по истории армии. Но Г.Н. Юрьев уехал в отпуск, появились новые лица, не связанные с прошлым армии и поэтому не понявшие значения для Прикамья истории армии и движения 1918 года, и комиссия была расформирована, и вся её предварительная работа пропала.

Исп-ский.

Чрезвычайка (рассказ)

Рано утром трое вооружённых красноармейцев пришли к Мартынову и объявили ему, что он арестован. Наскоро одевшись, Мартынов вышел и направился под конвоем по улицам города. Вскоре показалось двухэтажное здание из красного кирпича, над входной дверью которого висела небольшая, но так много говорящая гражданам захваченного большевиками города, вывеска с надписью по новому правописанию: «Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией».

У Мартынова закружилась голова от хлынувших сразу бесчисленных рассказов, слышанных им в городе о том, что происходит в стенах этого здания, коротко называемого «чрезвычайка». И чтоб не упасть духом, не малодушничать, Мартынов стал подбадривать себя мыслью, что ведь он, в сущности, ни в чем не замешан, открыто против большевиков не выступал, а свое отвращение и ненависть к ним глубоко таил в себе, никому не открывая. Поэтому, думал он, если только, хотя бы отчасти, они будут соблюдать форму допроса, то у них не будет никаких оснований в чем-либо его обвинить.

Красноармейцы, сопровождавшие Мартынова, отвели его в небольшую из досчатых перегородок комнату и, закрыв дверь, вышли. В комнате никого не было, стояла одна лавка. Пол был заплеван и заброшен окурками. Пахло махоркой. За перегородкой слышался чей-то голос, сопровождавший свои слова грубыми ругательствами. Мартынов сел на лавку и застыл в неподвижности. Он не знал, сколько прошло времени, ему казалось, что много, когда дверь открылась, и огромный красноармеец с красным и зверским лицом сказал, взглянув косыми глазами на Мартынова:

– Выходи за мной!..

Пройдя коридором мимо нескольких комнат, в которых было много людей в красноармейской форме, шумно о чём-то говоривших, – Мартынов вошёл вслед за сопровождающим его красноармейцем, в большую и просторную залу.

Прямо против входа, стоял стол покрытый красным сукном, на нём несколько огромных чернильниц, бумага, перья, карандаши. Перед столом были поставлены лавки, а на стенах висели красные флаги и плакат с изображением рабочего, разрывающего цепь. На одном из красных флагов

было написано золотыми буквами: «смерть буржуям и контрреволюционерам».

За столом сидело трое. В середине, уткнувшись в чтение какой-то бумаги, сидел невысокого роста, чёрный, кудрявый и бритый человек, в очках и коричневом пиджаке, с очень подвижным еврейским лицом. Мартынов раньше его видел и знал, что он бывший ученик из аптеки, а теперь состоит председателем «чрезвычайки» и прославился в городе своей жестокостью. Двое других были русские и одеты были по-солдатски.

– Кто такой? – спросил сидящий слева.

– Земский деятель Мартынов. – Ответил приведший его красноармеец.

– А!.. – тотчас же оживился председатель, – только что арестованный? Ну так мы долго его задерживать не будем. Товарищи, – обратился он к двум остальным сидящим у стола, – перед вами злостная фигура контр-революционера. Он арестован сегодня утром по моему приказанию на основании доклада, который сделал мне вчера наш член – товарищ Коболатов. Преступление его против советской рабоче-крестьянской республики выражается в одном коротком и хорошо знакомом вам слове «саботаж». Вы знаете, товарищи, что эти прохвосты, не желающие работать с нами и выжидающие прихода войск Колчака, – вредны для нашего дела не в меньшей степени, чем всякий солдат белой гвардии, идущий на нас с винтовкой. Вы знаете моё мнение по этому поводу. Я полагаю, что к таким людям нужно применять насилие – их нужно посылать на самые тяжёлые работы и заставлять насильно работать на нас.

– Возражений, конечно, быть не может! – сказал сидевший слева, – Нужно ли выслушать Мартынова?

– Если хочет – пускай говорит, – ответил председатель.

– Я не считаю себя виновным потому, что свободный гражданин, и тем более в республике, как вы называете Россию, волен работать и добывать себе хлеб чем и как он хочет. Нас при царском правительстве не неволили поступать к нему на службу, если мы того не хотели. Я не делаю вам никакого зла. Вы знаете, что я земский работник и много работал на благо крестьян. Вы знаете меня по прошлому, что я люблю народ и желаю ему только добра. Теперь я работаю в деревне, пахаю землю, кошу и жну,

нанимаясь как поденщик, и тем зарабатываю себе пропитание. Но с вами работать я не буду, ибо считаю вашу работу вредной для народа.

– Довольно! Молчать! – закричал на Мартынова председатель, – Мы слышим каждый день упреки в том, что мы враги народа. Но всякому, говорящему так, мы зажимаем глотку. Мартынов приговаривается без срока на работы по свозке нечистот в городе. Работа должна продолжаться 12 часов в день. Содержаться Мартынов будет в тюрьме на строгом режиме. А теперь отведите его пока вниз, – закончил он, обращаясь к красноармейцу.

Мартынова вывели и провели в конец коридора, через люк спустили в подвальное помещение.

Опустившись на дно подвала, Мартынов вначале ничего не мог разобрать в темноте. Он только слышал сдавленный гул разнообразных голосов, какие-то вздохи, шорох переворачивающихся с боку на бок и из этого понял, что в подвале было много людей. От спёртого воздуха, табачного дыма и сырости у него закружилась голова. Отыскивая в темноте на что бы можно было сесть и, не найдя ничего, Мартынов опустился прямо на грязный, скользкий, заблеванный пол.

Через некоторое время, привыкнув к темноте, он начал разбираться в расположении подвала и увидел, что подвал освещается одним небольшим окном с решёткой. Помещение было довольно большое, почти прямоугольное, с низким сводчатым потолком. Посередине его стоял стол и несколько лавок, а по углам в различных положениях лежали и сидели люди. Подвал напоминал люк баржи или парохода, куда обычно складываю грузы.

Немного спустя Мартынов перебрался ближе к окну и вступил в разговор с лежавшими вокруг.

– Вы давно здесь? – спросил он соседа.

– Неделю, завтра пойдет вторая.

– А за что вы посажены, в чем вас обвиняют?

– Не знаю. Здесь почти никто не знает, за что он сидит. Там, наверху, когда вызовут, то говорят только об одном: или обвиняют в контрреволюционности или в саботаже. И за то и за другое расстреливают.

– А меня вот приговорили к работам, – сказал Мартынов.

– Но не будьте уверены, что избежите общей участи. То, что они де-

лают вот здесь, в этом подвале, часто не совпадает с их приговорами, а нередко у них не существует и никаких приговоров. Поживёте – увидите, что никто из нас не поручится за то, что будет с ним через час.

Мартынову стало страшно, он обтёр себе вспотевший лоб, но усталость и голод так истощили его, что он вскоре упал в бессилии и заснул. Проснулся он от пинка в спину. Открыв глаза, он увидел стоявшего перед ним красноармейца, который грубо говорил:

– Вставай и иди есть, успеешь выспаться и в могиле.

Осмотревшись, Мартынов увидел, что все обитатели подвала собрались вокруг стола и ели из общей чашки какую-то похлебку. Над столом горела маленькая лампа, а за решетчатым окном было темно. Подойдя и отхлебнув ложку, он, несмотря на голод, отказался есть – так плоха была похлебка. Сев на лавку, он принялся осматривать лица окружающих. Все они были бледны, худы, измучены, а глаза блестели от голода. Здесь, судя по лицам и одежде, были и горожане всех званий и положений, и крестьяне. Все они были как-то принижены и забиты страхом, и так угнетены, что видимо никому не хотелось говорить, и они молчали.

Наверху, над головой проносился какой-то топот и изредка слышался как будто отдалённый гул.

– Что это такое? – спросил Мартынов, обращаясь к соседу и указывая на потолок.

– Красноармейцы и члены «чрезвычайки» пируют. Это происходит почти каждый вечер. Не всегда проходит благополучно это для нас, если они вспомнят о нашем подвале.

Вдруг дверь люка распахнулась, и чей-то пьяный голос крикнул:

– Павел Квасников и Михаил Зацепин.

Все вздрогнули. И Мартынов увидел, как лицо сидящего перед ним молодого, видимо, крестьянина помертвело, сделавшись бледным, а глаза наполнились ужасом. Две крупные капли пота скатились у него со лба и, словно боясь лишиться чувств – он схватился за голову.

– Пошевеливай-сь! – торопил голос сверху.

Пошатываясь, как будто ничего не соображая, сидевший перед Мартыновым встал и разбитой старческой поступью направился к выходу. В тот же момент с другого конца стола поднялась другая фигура и также

направилась вслед за первой, пожимая некоторым руки, причем те говорили:

– Прощайте... Бог с вами. Он не оставит вас... Прощайте...

– Куда это их вызывают? – спросил Мартынов, когда люк захлопнулся за ушедшими при всеобщем гробовом молчании, в котором чувствовалась подавленность.

– Куда? – ответил ему бородач, в котором он узнал бывшего помещика, – Вы новичок, должно быть? Вот когда очередь дойдет до вас, тогда узнаете, куда. Отсюда один выход – под расстрел.

И когда дня через три тот же голос из раскрытого люка сверху крикнул:

– Мартынов! – он упал навзничь от разрыва сердца.

Z

МУДРЫНИНСКИЙ ФРОНТ

Бабкинский боевой участок (от р. Камы, через с. Бабку и до р. Сива у с. Бердышева) известен был всем и каждому под названием «Мудрынинский фронт».

Григорий Ильич Мудрынин, поручик германской войны, сын рабочего Воткинского завода, пользовался и до сего времени пользуется всеобщим уважением, а со стороны солдат особенным доверием и любовью. После Г.И. Мудрынин командовал 1-й бригадой, а в описываемое ниже время он был командиром Бабкинского боевого участка, имея силы до полка, не имея артиллерии. (В бою 10 сентября участвовала одна горная 3-хдюймовка, временно перекинутая с другого участка).

После весьма печальной участи, постигшей первый «карательный» отряд красных, – на мудрынинском фронте разбит был наголову, – из Перми двинуты были на мудрынинский фронт два полка красных: 1-й Камский и 2-й Камский, при каждом по 3 орудия и по 10 пулеметов (эти данные выяснены из документов, взятых у убитых командиров). Кроме того, по р. Каме подошли три «боевые» парохода и понтоны, тоже с пушками на каждом. (Понтоны – род катера).

9-го сентября к вечеру 1-й Камский полк достиг с. Бабки, развер-

нувшись от берега Камы к северу.

Севернее 1-го полка к с. Бердышеву, развернулся 2-й Камский полк. На одной линии с 1-м полком встали на р. Каме «боевые» пароходы и понтоны.

Как начался бой и результаты его видно из следующей выписки из оперативной сводки за 11 сентября Штаба Воткинской армии.

Бабкинский участок: Выяснив окончательно силы и расположение противника, который сгруппировался для удара севернее села Бабки, силою до 1.200 штыков при 3-х орудиях и 10 пулеметах, наш отряд под командой N, не ожидая начала наступления со стороны противника, повел такое сам в 4 час. 30 мин. утра 10 сентября. По данному сигналу для общего наступления, без единого выстрела, наши цепи приблизились к передовым частям противника, который открыл ураганный пулеметный и ружейных огонь; в это же время три парохода противника, остановившись выше Бабки, открыли ураганный артиллерийский огонь, выпустив в течении дня по нашим цепям и резервам до 800 снарядов. Наша артиллерия сделала только 4 выстрела по пароходам противника. Несмотря на ураганный огонь, наши герои-фронтовики без выстрела двинулись вперед. Неустрашимость наших солдат подействовала на красноармейцев сильнее всяких пуль и снарядов. Их передовые линии дрогнули и начали отступать; наши бросились в рукопашную и закипел бой. В это время на правом фланге противника показалась наша обходная колонна, высланная до начала боя для удара во фланг и тыл. Обезумевшие от страха красноармейцы бросились бежать врассыпную, бросая оружие, снаряжение и боевые припасы. Наши колонны расстреливали, били прикладами и душили руками красноармейцев. Командир 5 роты N с обходной колонной бросился на тыл противника и захватил часть его обоза; прикрытие красноармейского обоза пустилось бежать к реке Каме, стараясь спастись вплавь, но все было перебито и перетоплено в реке. Унтер-офицер той же роты со своим взводом с криком «Ура» бросился на действующий пулемет противника, забрал таковой, повернул его по отступающему противнику, расстрелял и разогнал остатки красноармейцев. Некоторые наши отдельные отряды гнали противника до села Ножовки. Начальник боевого участка N, получив сведение, что противник повел наступление свежими силами с тремя орудиями со

стороны деревни Пермяков, – перебросил часть своих сил и резерва против наступающих и снова вступил в бой, результат коего еще не известен. Пароходы противника, обстрелянные нашим ружейным и пулеметным огнем, несмотря на свою грозную и солидную артиллерию, вышли из боя к 11 час. утра, удирая вверх по Каме. Наши трофеи еще не посчитаны.

Примечание: У убитого командира 1-го Камского полка матроса Соболева найден любопытный приказ по 1 Камской пехотной бригаде, из коего видно, что красноармейцам было категорически приказано взять г. Воткинск, *стереть его с лица земли артиллерийским ураганным огнем* и отрезать путь отступления, разрушив в тылу у нас полотно железной дороги. Но, как видно, в данном случае оправдалась пословица: «Не говори «гоп» – пока не перескочишь».

Упомянутое в сводке следующее наступление со стороны дер. Пермяковой велось 2-м Камским полком под командой «товарища» Булкина. 2-й Камский полк подвергся той же участи, что и 1-й Камский полк. Даже командиры обоих этих полков: 1-го «товарищ» Соболев и 2-го «товарищ» Булкин не унесли своих ног за Каму. Соболев был убит в с. Бабке, а о судьбе Булкина Г.И. Мудрынин донес штабу 14 сентября следующее: «Представляю вам револьвер системы «Маузер», отобранный у командира 2-го Камского полка Булкина, какового крестьяне завода Ножовки затопили в р. Каме, предварительно напихав ему в рот земли»¹⁶.

Вот что значит общий подъем и сознание необходимости победить или умереть. Второе сильнейшего врага, вооруженного в изобилии пушками и пулеметами, уничтожил один полк, вооруженный почти только одними винтовками (по 3-5 патронов на человека). Это одно из ряда славных дел «Мудрынинского фронта».

Я. Плотников

Памяти Пьянкова

В первых же боях с красными пал смертью героев всеми уважаемый и любимый *Павел Васильевич Пьянков*.

¹⁶ В реальности, командир Булкин через несколько дней вернулся в расположение Красных войск.

Павел Васильевич – сын местного обывателя, был ещё молодой, не по годам серьёзный человек. Провёл на военной службе всю германскую войну. Вернувшись домой, как человек весьма впечатлительный и в высшей степени справедливый, Павел Васильевич не мог равнодушно относиться к безобразиям коммунистов и стал искать способов борьбы с ними. Организовавшийся союз фронтовиков им намечен был для этой цели, и он её достиг с успехом.

В восстание Павел Васильевич организовал отряд и командовал им в боях на Неумоинской участке, где и был смертельно ранен. ***Вечная память борцу за поруганную родину.***

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОССТАНИЯ

(Из документов)

После заключения Брестского договора большевиками, все солдаты были распущены по домам. Прибыв в Воткинск, мы увидели, что большевики играют странную роль, вводя коммунизм, разрушая всё, расстреливая ни в чём не повинных граждан, обдирая богатого и бедного, на нагребленное пьянствуя и развратничая. Примотревшись ко всем действиям, открытым и скрытым г.г. коммунистов, я, при помощи некоторых солдат, стал организовывать Союз фронта воинов, объявив организацию беспартийной и ставящей целью защиту интересов бывших солдат и солдаток. Настоящая цель, конечно, была иная – сплотить всех фронтовиков в тесную семью, раскрыть им глаза на творимое коммунистами именем народа. Организация быстро наладилась, выработан был Устав и местный Совет утвердил его. После этого поехал в Ижевск и там нашёл отклик, как среди солдат-фронтовиков, так и среди бывших офицеров. НО Ижевский Совет оказался умнее Воткинского и в утверждении Устава Союзу отказал, назвав Союз «белой бандой».

Вскоре Совдепом был получен декрет о мобилизации за 4 года. Союз фронтовиков постановил не давать ни одного солдата, если не будет выдано немедленно же здесь, на месте мобилизованным оружие. Совдеп, разумеется, не мог согласиться с таким требованием, ибо боялся за своё благополучие, Союз имел членов до 600 человек. Предвидя репрессии со стороны Совдепа за отказ мобилизоваться, я и покойный П.В. Пьянков, (убит в первых же боях

после Восстания) начали подбор более решительных и верных фронтовиков и готовиться к свержению Совдепщины.

Ижевские фронтовики тоже отказались от мобилизации, а затем вскоре там вспыхнуло Восстание. Узнав о Восстании, мы, воткинские, отправили в Ижевск двоих делегатов с просьбой дать нам винтовок для Восстания. Ижевцы в выдаче винтовок отказали (трудно было провезти), а обещали выслать нам на подмогу роту, хорошо вооружённую. Получив такое обещание, мы стали готовиться и приняли все меры, чтобы во время Восстания коммунисты не смогли утащить своё оружие и ценности.

Ждём ижевцев. Наконец, получаем известие – идут. Всё готово, только дело за ижевцами, но ижевцы немного нетактично поступили, – дойдя до дер. Кокуй, они решили вернуться, так как нет с ними ни одного пулемёта. Насилу посланные нами для встречи уговорили их. Если бы не задержались они в Кокуях, то ни одному из воткинских комиссаров, ни красноармейцу было не убежать. Ижевцы подошли уже около семи час. утра, и комиссары смогли быстро узнать в чём дело, и дали тревожный гудок. Но всё равно, убежать удалось не всем, часть попала.

Поработал по подготовке Восстания и в самом Восстании, не жалея сил своих, дорогой и незабвенный Павел Васильевич Пьянков. Об увековечении памяти его не раз поднимался вопрос в Союзе фронтовиков, но боевая страда помешала, и пока вопрос остаётся открытым.

К нам примкнули и принимали участие в Восстании живущие в Воткинске офицеры, хотя, правда, не все. Первый наш нач. Штаба был не офицер.

ВОТКИНСКАЯ ЖИЗНЬ

*Светлому воспоминанию о
горячей и дружной работе*

В один из плаксивых дней первоначальной осени, когда дождь барабанил в стёкла, а Воткинск утопал в грязи, под пушечную канонаду (мы всё там делали под ритм¹⁷ её однообразной мелодии!) в Воткинске создалась маленькая газетка, сыгравшая большую роль в деле укрепления устоев

¹⁷ В тексте - рифм.

нового политического и гражданского правопорядка.

Дружными усилиями местных сил, во главе которых встал Г.Л. Миленко, и при помощи московского литератора Н.М. Тарабукина, приехавшего отдохнуть на лето на Каму и отрезанного начавшимся движением в Воткинске, – был создан печатный орган «Воткинская Жизнь», в котором приняли участие, так же случайно «застрявшие» в Прикамье московские журналисты – экономист А.Я. Гутман и публицист А.Л. Фавицкий.

Маленькую «Воткинскую Жизнь» читатели буквально «обсасывали» от первой до последней строки. Главный контингент их были рабочие и солдаты, и можно с уверенностью сказать, что цель агитационная, а также стремление ввести читателя в круг новых правовых понятий, – были достигнуты.

Работавшие в газете видели, каким вниманием пользовалось их слово, и чувствовали глубокое удовлетворение и радость, видя непосредственно результаты своего небольшого дела, соприкасаясь близко с читателями, чего обычно лишён сотрудник столичной прессы.

В газетке был отдел, которому уделялось немного места на четвёртой странице, и назывался он «Рассказы очевидцев». В нём помещались подлинные рассказы истинных очевидцев, и от каждой строки, переданной бесхитростным языком, пахло кровью, мерещилось ужасами и вставало во всей обнажённости зверское большевистское насилие. Там, в Воткинске, мы впервые почуяли, что такое большевики. Там мы впервые услышали запах того кровавого угара, который впоследствии пахнул-таки зловещим хмелем в стенах «осинской чрезвычайки».

И, может быть, перед тем, чьим откликом служили страшные «рассказы очевидцев», мы поклялись не изменять раз избранному нами пути беспощадной, неумолимой борьбы.

Благодаря оторванности, в которой находились мы на этом островке Прикамья, среди бушующего большевистского пространства, – к нам сообщения о событиях извне залетали лишь случайно. Мы жили почти в безвестности, и ось редакционной жизни вращалась в кругу лишь местных событий. Но их темп был столь напряжённый, что давал сильнейший импульс для творческой работы слова.

«Радио», водружённый на соборной колокольне, имея один только

приёмочный аппарат, – ловил носящиеся волны большевистских известий и оповещал нас изредка о тех событиях, которые развёртывались там, за рубежом фронта, около родных мест, вынужденно оставленной нами центральной России. Но и эти крохи мировых событий были для нас очень ценны, и, наверное, никогда ещё известия не составляли такой настоящей потребности, как в этом роковом и замкнутом кольце.

Типография, в которой печаталась газета, при первом отступлении наших войск из Воткинска осталась не вывезенной. Большевики кое-что разграбили в ней. Теперь же, при вторичном оставлении нами Воткинска в мае нынешнего года, – были вывезены все машины, весь шрифт, и вместе с типографией уехали и все наборщики.

Теперь эта типография в Омске. И снова, как тогда в Воткинске, пальцы наших знакомцев – наборщиков, перебегая от одной ячейки верстка к другой, слагают слова, пропитанные любовью к Родине и ненавистью к врагам её, а старые воткинские машины печатают, чтобы потом распылить среди друзей народа, призывая их к битве, а врагам напомнить, что против них крепнет народная ненависть.

ВО ИМЯ ДОЛГА

В деле государственного строительства и возрождения России, бесспорно, русским рабочим занято одно из самых почетных мест.

Русский рабочий всегда был национален *по преимуществу*, и если его постоянно сбивали с национальной дороги и в дни старого режима и еще больше в дни развала России, то он, пройдя тяжелую тернистую дорогу и взяв сейчас винтовку в руки, уже выходит на настоящий путь, который выведет его и весь русский народ к светлому будущему.

Принято думать, что рабочее – опора большевизма. Ошибочный взгляд.

Нет слов, – зачарованный большевистскими лозунгами: «Мир, хлеб и свобода» – рабочий на минуту, ненадолго, поверил в эти святыя слова, конечно, далеко не принадлежащие большевикам; поверил, разочаровался и, взяв винтовку в руки, стал грудью защищать свое право на труд, свою свободу и свою родину. И это сделали ижевские и воткинские рабочие. Эти

скромные труженики, пережившие все тяготы военного времени, работавшие всю войну на оборону родины, первые сдержали обманчивое покрывало с большевистских вождей. Первые объявили беспощадную войну за попранные права русского рабочего.

История напишет на свои скрижали много славных имен ижевцев и воткинцев не дрогнувших, не сломившихся под ударами судьбы.

Уйдя с своих родных мест сюда к нам, где творится дело возрождения России, они не укрылись от обязанностей гражданина. Нет, они все, как один, принимают полное участие в борьбе с большевиками.

Они покрыли Сибирь своими мобилизационными пунктами, они призывают всех своих земляков встать под ружье, являя этим пример дисциплины и долга. Мы все знаем историю ижевского и воткинского восстаний.

Мы знаем хорошо этих борцов за свободу, и сегодня, в их день, мы выражаем восхищение перед тем скромным подвигом, которому отдались ижевцы и воткинцы, перед тем подвигом, имя коему –

Спасение Родины!

Честь им и хвала.

В. Владимирцев

«ДУХ ЖИВ!»

Солдаты с офицером Ижевского отряда прибыли в Челябинск на несколько часов за покупками.

Они только что с позиции.

Кажется, они слышат еще трескотню пулеметов и сердито-брюзжащее амканье пушек.

Глаза одухотворены и горят порывом.

Эти серые герои – братья в поношенных шинелях, переправляясь вброд через ледяные воды снежных замор и рек, предгорий, в 6 дней раннего апреля только что совершили чисто Суворовский переход в 200 верст от Бирска почти до Белебея, и все с боями. Пленные, трофеи их не занимают.

Они помнят лишь, как они, будто лавина, бросились вперед. Как одно время ввиду численного превосходства красных они были в опасном положении. И, окружая врага, могли сами попасть в ловушку. А потом, когда они (враги) дрогнули – неслись, неслись.

Давно потеряв связь со своими, но с твердой верой в неизбежную, блестящую победу. Вперед, вперед! За Волгу, потом к Москве... А там – конец войне и освобождена Россия!

Я долго разговаривал с ними. Вчера они были обыкновенные рабочие или служащие завода – слесаря, литейщики, конторщики, токаря... Что же одушевило их в огнедышащую сталь?

Всеобщая лютая ненависть к отвратительному зверю – врагу, бесчестившему жен и дочерей, грабившему мозолями нажитое добро и всех инакомыслящих и непокорных истреблявшего беспощадно, как тараканов через «чрезвычайку»... Сильная ненависть, как и любовь, родные сестры! Они умеют воспламенять сердца и закалять волю на самопожертвование и мщение.

Недалеко от войска седого вольного Яика, некогда приютившего Разина и Пугачева, в Никольском уезде Самарской губ. есть село Семеновское. Оно замечательно тем, что дало первую сплоченную и могучую чисто крестьянскую дружину «мстителей» завожжя, давно уже преобразованную теперь в славный Николаевский батальон или даже полк.

Но когда она только что зарождалась, и у первой сотни едва набралось 35 ружей – охотничьих, да разных калибров винтовок, во главе ее был богобоязненный «Егорыч». Обыкновенный хозяйственный мужик – пахарь. Старик под 70 лет, пел на клиросе. Любил читать Толстого. И для себя не мог зарезать даже цыпленка:

– Жалко Божье творение! – оправдывался он от улыбок.

Но когда красные поставили к стенке его единственного сына – бравого фронтовика, увели с собой его красавицу вдову и для острастки «контрреволюционерам» сожгли дом, предварительно обобрав до нитки, и его старуха сошла с ума от «потрясения» и вскоре померла – он весь преобразился.

Достал себе коня, серебряного, как и сам, и на нем, без устали, целыми неделями подряд, по темным ночам носился со своими в охоте за

красными, сея среди них смерть и ужас, как Скобелев трунил над собою.

– Вот вы Бога отменили – говорил он на служебной стоянке пленных, а все же, може, он вас и помилует, простит: помолитесь же хорошенько хоть перед кончиной.

– Попутал грех! Нечистый. Улестили словами, известно, темные мы, – вымаливали себе жизнь, помертвелые от страха.

Егорыч слушал участливо беззвучные слова, молящие (?) из поси-
нелых губ, и вдруг, как бы что-то вспомнил, начинал перед ним вертеться:

– Да вы болтаете, будто одни буржуи против вас. Поди, поди, понюхай
мужика! Чем пахнет? А-а. Ну, то-то же! – примиряющее заканчивал он,
убедившись, что его «признали».

А потом сам всматривался еще раз зорко в ползающих как черви у ног
его врагов. И, заметив среди них хоть одного из известных конокрадов,
взломщиков церквей, хулиганов, начинал первым казнь... Обычно шашкой,
так как патроны приходилось шибко экономить.

Несмотря на осень, холодные дожди и кочевки по оврагам, Егорыч
властью духа, горевшего отмщением, забывал и про сломанную руку, давил
ревматизм и свои 7 десятков бременящих лет.

Он казался символом живущей мстью, истерзанной России.

Таким же всепобеждающим духом возмущения зажглась воля победы
в Добровольческой армии, основанной ген. Алексеевым у славных воль-
нолюбивых Уральцев, среди донских, кубанских и терских казаков.

Как и в ополчившихся на общего врага всем войском – сибиряках,
сербах, карпато-руссах, чехах, поляках и рождающейся новой могучей
добровольческой армии Сибири.

Я видел мать, твердо благословляющую в поход единственного, тру-
дами всей жизни выращенного, опору старости – бесценно дорогого сына, и
слезы подступали к горлу. Я видел каппелевцев, уже более года отдающих
свои молодые жизни за освобождение России от интернационалистов.
Конных киргиз, татар, башкир, старообрядцев... Гордо, отрадно было среди
этих орлов. Я видел трижды раненых, снова рвущихся в бой.

И верилось – нет, Россия не пропала!

И я свято верю, что «дух живой» в такие годы тяжких и великих ис-
пытаний, каких по своему трагизму мало знает история – даже демократи-

зируется, становясь уделом многих, как и пошлость, грязь и эгоизм сытого брюха вчерашних и сегодняшних паразитов.

Дух жив!

Выступление ижевско-воткинских на фронт, одно из тысяч его начавшихся побед над трепещущей от животного страха плотью панических обывателей–рабов.

Бессмертный дух Распятие Его на кресте воскресает. Сим победиши!

В. Анзимиров

ГАССАН и ЕГО ДРУЗЬЯ (Фельетон)

Нет Бога, кроме Аллаха и Могамета¹⁸, пророка его... Да живут вечно великодушные к врагу и верность товарищу... Да погибнут все предатели... Да отвернет лицо свое Аллах от забывающих долг свой...

Это было давно, при дедах дедов наших. По великому пути, ведущему от берега моря до берега моря, шел караван. Впереди на аргомаках ехали три знатных путника. Это были старые друзья, и дружба их была освящена великой клятвой на конце меча. А за ними ехало еще много народа.

И вот, когда караван был уже на полпути, они увидели, как толпа разбойников грабила какого-то прохожего. Тогда один из троих друзей – великодушный Гассан – первым бросился на помощь. Друзья и еще некоторые из спутников последовали за ним. Началась битва. Разбойники оказались весьма искусными в ратном деле. Удары их острых сабель были быстры и верны, как молния.

Гассан бился как лев. Он был верен дружбе и несколько раз принимал в свою грудь удары, предназначавшиеся его товарищам. Все его тело было покрыто ранами, одежда забрызгана кровью... Он слабел. Его железные руки устали рубить... Но он бился до тех пор, пока обессиленный не упал полумертвым на землю...

Друзья его продолжали битву. И Аллах, да святится имя его, даровал им победу... Им досталась богатая добыча. Пояса разбойников оказались полными золота, их оружие сверкало драгоценными камнями, их верб-

¹⁸ Так в тексте.

люды были нагружены множеством дорогих товаров. И разгорелись сердца победителей. В их души вошло по десять тысяч демонов жадности... И стали они делить боевую добычу. И в этом дележе принимали участие даже те из спутников, которые до тех пор стояли в отдалении от поля битвы...

А Гассан лежал в пыли. Раны его были не перевязаны, и на них не был возлит елей с вином, и они кровоточили. Смертельная жажда сжигала его нутро. Его запекшиеся губы призывали боевых товарищей. Но они не слышали. Им было не до него...

И уже почуяв добычу, стаи голодных шакалов стали подходить к нему все ближе и ближе... И вновь звал на помощь Гассан... И вновь никто не откликнулся на его призыв.

И уже почувствовав смерть, стали со всех сторон пустыни слетаться стаи зловещих коршунов. И снова и снова звал Гассан. И снова и снова звал, и никто не приходил к нему на помощь.

На этом месте старая арабская рукопись, с которой было переведено это сказание, прерывается. История Гассана осталась незаконченной. Пришли ли ему на помощь в конце концов его друзья не известно...

Ильич.

Редактор: Г.Л. Миленко

Осведомительный Отдел Штаба Верховного Главнокомандующего.

Омск, Типография Омского Союза Кредитных и Ссудо-сберегательных Товариществ, Варламовская, 21.